Фрактальная теория в социогуманитарных исследованиях религии: о новых возможностях изучения «процессуальной» логики в арабо-мусульманской картине мира (по А.В. Смирнову)

К.И. Насибуллов^{1, 2, а}

¹Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

²Ассоциация психологической помощи мусульманам, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5295-9649>, e-mail: rtkamil@bk.ru

Резюме: В статье обосновывается возможность применения фрактальной теории для изучения процессуальных аспектов явлений в социогуманитарных исследованиях религии. В первой части в обобщенной форме излагаются идеи А.В. Смирнова в области сравнительного изучения культур. А.В.Смирнов увязывает особость культуры со специфичным способом смыслообразования: он отмечает, что европейской культуре свойственна субстанциальная логика, арабо-мусульманской – процессуальная. Представления о процессуальной и субстанциальной логике А.В. Смирнова в статье переосмысляются как особый вид знания, возникающего в результате взаимодействия двух культур. Смыслообразование арабо-мусульманской культуры предлагается рассматривать в рамках разрабатываемой в современной науке процессуальной метафизики (В.А. Лекторский) с использованием методологии фрактальной теории (Б. Мандельброт). Фрактальная теория усиливает собственную процессуальную интуицию исследователя и позволяет представителям европейского культурного ареала приблизиться к пониманию логики арабо-мусульманской культуры.

Ключевые слова: процессуальная логика; фрактал; мусульмане; масдар; семиотика

Для цитирования: Насибуллов К.И. Фрактальная теория в социогуманитарных исследованиях религии: о новых возможностях изучения «процессуальной» логики в арабо-мусульманской картине мира (по А.В. Смирнову). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4):1107-1130 DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-4-1107-1130

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Информация о спонсорстве: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664а.

The Application of Fractal Theory in Socio-Humanitarian Researches of Religion: new Opportunities for Exploring Processual Logic in the Arab-Islamic World (based on the works of A.V. Smirnov)

K.I. Nasibullov^{1, 2, a}

¹Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation;

²Association of Psychological Assistance to Muslims, Moscow, Russian Federation

^aORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5295-9649>, e-mail: rtkamil@bk.ru

Abstract: The article explores the possibility of applying fractal theory in socio-humanitarian researches of religion. The first section presents ideas of A.V. Smirnov on the comparative study of cultures. Smirnov links the distinctiveness of one's culture with the meaning-making process: he notes that substantial logic characterizes European culture while processual logic is inherent to the Arab-Islamic world. The article aims to reconsider Smirnov's ideas and argues that the processual and substantial logic can be defined as a particular form of knowledge resulting from the interaction of cultures. It is proposed that the meaning-making process in the Arab-Islamic world can be considered through the lens of the processual metaphysics (V.A. Lectorskiy), and by using the methodology of fractal theory (B. Mandelbrot). Fractal theory reinforces the researcher's own procedural intuition and allows representatives of the European cultural area to better understand the logic of Arab-Muslim culture.

Keywords: processual logic; fractal; Muslims; masdar; semiotics

For citation: Nasibullov K. I. The application of fractal theory in socio-humanitarian research on religion: new opportunities for exploring processual logic in the Arab-Islamic world (based on works of Smirnov A.V.). Minbar. Islamic Studies. 2019;12(4):1107-1130 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-4-1107-1130

Sponsorship Information: The research was prepared within the Russian Foundation for Basic Research, project "Psychology of auto-constructing of lifeworld of modern communities" №17-06-00664а

Введение

Концепция А.В. Смирнова о сравнительном изучении культур имеет важное значение для дальнейшего развития исламоведческих исследований в самых разных направлениях. Основанная на масштабных обобщениях, концепция претендует на осмысление арабо-мусульманской культуры как целостности, основанной на едином способе смыслообразования. Фундамент концепции был заложен в монографии А.В. Смирнова «Логика смысла» [1]; с тех пор концепция продолжает развиваться и вызывает серьезный интерес у исследователей. Например, А.С. Запесоцкий в предисловии к книге А.В. Смирнова «О подходе к сравнительному изучению культур» [2] называет концепцию большим научным прорывом и чрезвычайно перспективным направлением в гуманитарном знании. С другой стороны, один из наиболее авторитетных российских исламоведов Т. Ибрагим отмечает многочисленные фактологические недостатки концепции [3]. Прошедшая в 2019 году дискуссия на страницах журнала «Вопросы философии» по теме «Процессуальная логика и ее обоснование» также показала ее высокую эвристичность. В настоящее время помимо важных философских находок, концепция открывает богатые возможности для понимания многих аспектов мусульманской эстетики, богословия, особенностей арабского языка и др. Вместе с тем видится большой потенциал концепции также в изучении индивидуального религиозного сознания. Исследование механизмов смыслообразования у представителей мусульманского сообщества требует привлечения методов других социогуманитарных наук, таких как психология, социология, антропология.

В статье для понимания процессуальной логики арабо-мусульманской культуры предлагается использование «фрактальной теории». Идея фрактала, наиболее полно сформулированная Б. Мандельбротом [4], быстро превратилась из математической модели в практически универсальную модель описания многих аспектов физической реальности. С 90-х годов XX века теория стала активно проникать в социогуманитарные исследования и, по мнению Е.В. Николаевой [5], может стать новой влиятельной исследовательской парадигмой. В статье фрактальная теория рассматривается как особый процессуальный исследовательский язык, помогающий преодолеть культурные

ограничения, связанные с принадлежностью исследователя к европейской культуре и привычкой использования «субстанциальной» логики (в терминологии А.В. Смирнова). Применение фрактальной теории приближает к решению задачи описания исламского культурного универсума как смысловой целостности, включающей в себя индивидуальную картину мира мусульман.

Основные положения теории А.В. Смирнова о процессуальном характере арабо-мусульманской картины мира

Согласно А.В. Смирнову [6; 7], представление человека о мире («картина мира») может быть построено двумя принципиально отличающимися способами – с использованием логики субстанции и логики процесса. Понятие «картины мира», базовое в теории А.В.Смирнова, основано на присущей людям интуиции, что мир, при всем своем многообразии, ведет себя неким устойчивым способом, обладает внутренней связностью.

А.В. Смирнов также предлагает различать логико-философскую и языковую картины мира как два уровня осмысления мира. Отталкиваясь от идей трансформационной грамматики Н. Хомского, автор рассматривает эти два уровня как аналог глубинной (логико-философская картина мира) и поверхностной (языковая картина мира) структур в человеческой коммуникации. Языковая картина мира опирается на стремление человека к осмыслению мира как единства и формируется на основе арсенала формальных средств конкретного человеческого языка. Ей свойственна стихийность, избыточность, порой логическая противоречивость, эта картина мира как бы предзадана человеку ввиду естественности овладения родным языком. Логико-философская картина мира более однородна, является отрефлексированным и логически упорядоченным представлением.

С точки зрения субстанциальной логики, «всё многообразие мира мы понимаем как рассыпанное качественное многообразие, а затем собираем, группируем, систематизируем его вокруг неких носителей этих качеств. Такие носители качеств мы и называем субстанциями» [7, с. 15]. Философская разработка этой логики опирается, прежде всего, на метафизику и формальную логику Аристотеля, которая вытекает из типа трансцендирования, кото-

рый был открыт Платоном. Этот вид логики свойственен в большей степени культуре Запада, и образует особую субстанциальную картину мира человека западной цивилизации.

Субстанциальная картина мира для представителя западной культуры выступает как самоочевидная предпосылка мышления. Для выхода за рамки этого привычного способа мыслить А.В. Смирнов предлагает обратиться к анализу способа мышления, распространенного в другом географическом и культурном ареале – в арабском мире. Обращаясь к анализу форм, существующих в арабском языке, А.В. Смирнов обнаруживает иной способ описания мира. За «поверхностными» формами арабского языка скрывается качественно иная логика смысла «глубинной» структуры, которую он определяет как процессуальную. В чем же, по мнению А.В. Смирнова, состоит своеобразие арабского языка? В арабском языке существует грамматическая категория, называемая масдар — букв. «исток», точного аналога которой нет в европейских языках. В русском ей приблизительно соответствует отглагольное существительное (например, «хождение», «сидение», «говорение»), в английском — герундий. При помощи этой категории в арабском языке своеобразно выражается действие (*фи'л* – по арабски), которое в его особой структуре понимается автором как идея «процесса» или «процессуальности». Наиболее существенной особенностью действия в арабском языке является его трехчастная структура, то есть наличие трех ключевых элементов: «действующателя», собственно «действия», «претерпевающего». Элемент «действие» в этой логике является основополагающей категорией, причем в отличие от субстанциального взгляда, действие имеет независимый, собственный онтологический статус процесса, несводимого к и отличного от онтологических статусов действующателя и претерпевающего.

Арабский язык предлагает носителю возможность описания мира и с точки зрения субстанциальной логики, но все же, фундаментально, в основе арабского языка лежит именно процессуальная логика. Таким образом, оказывается, что логико-философская картина мира относительно независима от языковых средств конкретного языка. Любой человеческий язык позволяет выражать идеи с помощью как процессуальной, так и субстанциальной

логики, однако возможности каждого языка отличаются: европейские языки более точно и «естественно» выражают субстанциальную логику, арабский язык – процессуальную. На основе процессуальной логики формируется особая процессуальная картина мира как многообразия действий (или, как уточняет А.В. Смирнов, действ[ован]ий), в отличие от субстанциальной – как совокупности сущностей, вещей, субстанций.

А.В. Смирнов демонстрирует возможности процессуальной логики на примере анализа мусульманской картины мира. Автор обращается к анализу ключевых религиозных источников исламского мировоззрения – Корана и хадисов, а также богословских трудов. В основе исламского мировоззрения находится постулат о единобожии «Нет бога, кроме Бога...» (так называемая «шахада»). Именно произнесение шахады позволяет человеку самоопределиваться как мусульманину с точки зрения исламской доктрины. Единственность Бога определяется как его подлинность, в отличие от других, ложных и неподлинных богов, которым может ошибочно следовать человек. На процессуальном языке А.В.Смирнов переформулирует подлинность единственного Бога как идею о его действенности, что означает возведение любых действий в мире к единственному Действователю. Бог является основной и подлинной причиной всего, что происходит в мире. Бог является отдельной субстанцией, не сводимой к другой – Миру. Причем Бог является действователем, а Мир – претерпевающим. Такое понимание принципа единобожия, полагает А.В. Смирнов, магистральное в исламской мысли, сближает даже противоположающиеся ее направления. С точки зрения процессуальной структуры, в исламской картине мира любой непосредственно наблюдаемый процесс (действие) и глобальное устройство Бога-Мира изоморфны.

А.В. Смирнов вовсе не рассматривает этот дуализм человеческого мышления (логики) как универсальный феномен, характеризующий все человечество. Он предлагает говорить о двух крупных культурных ареалах — о Западе и арабском мире, на примере которых он эти логики выявляет. Именно в рамках этих культурных ареалов существует принципиальная возможность для любого человека осмыслять мироздание двумя способами и конструировать две разные, но равнозначные картины мира с точки зрения адекватности опи-

сания реальности (субстанциальную и процессную). Вопрос о том, насколько выводы и методология рассуждения приложимы к другим языкам и культурам за пределами названных двух, автор концепции оставляет открытым.

Понимание через самотрансформацию: «процессуальность» и «субстанциальность» как межкультурное знание

Понимание культуры как способа смыслополагания в теории А.В. Смирнова позволяет увидеть ту или иную культуру как целостность, как осмысленный универсум, единый во всех своих проявлениях в рамках одной картины мира. Смысловое единство арабо-мусульманской картины мира можно обнаружить, анализируя самые разные артефакты арабо-мусульманской культуры: лингвистические структуры арабского языка, памятники литературы, догматы мусульманского богословия, эстетику [8]. Таким образом, А.В. Смирнов опирается на категорию «картина мира», которая имеет интересную особенность. Как отмечают Н.А. Любимова и Е.В. Бузальская [9], в понимании картины мира всегда изначально заложена антропоцентрическая двойственность как ее неотъемлемая, сущностная характеристика, то есть картина мира одновременно объект культуры и объект индивидуального сознания. А.В. Смирнов значительное внимание уделяет проявлениям арабо-мусульманской картины мира, анализируя те или иные артефакты культуры. Между тем, очевидно, что ислам – это живая и развивающаяся культура, имеющая в мире миллионы последователей, для которых этот способ смыслообразования является ключевым способом собственного индивидуального миропонимания. Таким образом, не менее принципиальным для понимания «исламского универсума» является обращение к создателю мусульманской культуры, - к самому представителю мусульманского сообщества, – и изучение субъективных, индивидуальных аспектов механизма смыслообразования.

Но как можно понять человека, который опирается на принципиально иной способ осмысления мира, возможно ли это в принципе? Согласно А.В. Смирнову, европейская и арабо-мусульманская культуры не сводимы друг к другу в виду сложной исторически сложившейся взаимосвязи самых разных аспектов внутри каждой культуры. Он говорит о принципиальной «инаково-

сти» этих культур: «различия настолько глубоки, что они всесторонни, системны и нередуцируемы — они касаются самого основания, самого принципа смыслополагания» [2, с. 82]. Представляется, что А.В. Смирнов в этом вопросе придерживается вполне однозначной позиции. Вместе с тем многочисленные академические исследования А.В. Смирнова, раскрывающие те или иные аспекты процессуальной логики в арабо-мусульманской картине мира, опубликованы на русском языке, который он сам относит к европейскому культурному ареалу. По-видимому, очевидное различие культур не является безусловным барьером для взаимопонимания между представителями этих культур. Тезис А.В. Смирнова о непреодолимой «дистанции» между культурами, опирающимися на разные способы смыслообразования, подвергался серьезной критике со стороны известного исламоведа Т. Ибрагима [3].

Действительно, проблемы во взаимопонимании существуют и они значительны, но они коренятся, как ни парадоксально, не в ограничениях естественного языка. Как отмечает А.В. Смирнов, «язык более универсален, чем логико-философская монистическая картина мира, поскольку содержит в себе возможности, избыточные для построения того или иного варианта монистической картины мира и потому урезаемые в ней» [6, с. 298]. Основная проблема состоит в своеобразном «смысловом этноцентризме», когда представители одной культуры при объяснении тех или иных аспектов чужой культуры используют собственные шаблоны мышления, опираются на привычный способ смыслообразования.

Западная культура столетиями разрабатывала субстанциальную картину мира как основу мировоззрения. В основном работа по концептуализации субстанциальной логики уже завершена (причем уже в раннюю эпоху в философии Платона и Аристотеля) и представлена в виде соответствующих правил формальной логики. В арабской же культуре эта работа проведена не была, правила и формы процессуальной логики пока не сформулированы в явной форме. А.В. Смирнов предлагает в отношении арабо-мусульманской картины мира осуществить ту же «абсорбцию», которую осуществили для европейской культуры Платон и Аристотель. Но может ли представитель европейской культуры осмыслять мир процессуально, есть ли в европейской куль-

туре для этого ресурсы? Может ли европейское мышление произвести работу, которая не была сделана самими представителями «родной» культуры?

Обсуждение процессуальной логики в теории А.В. Смирнова, состоявшееся в 2019 году на страницах номера журнала «Вопросы философии», показало, что понимание процессуальности не так чуждо европейской научной мысли, как это представляет А.В. Смирнов. Познание мира как процессуального привело западных ученых к формированию идеи о процессуальной метафизике и необходимости интеграции процессуальной перспективы в научную методологию. Как отмечает участник дискуссии В.А. Лекторский, «... процессуальная метафизика весьма востребована современным состоянием науки, ... подобное понимание мира соответствует таким широко обсуждаемым сегодня революционным концепциям, как теория сложных самоорганизующихся и развивающихся систем, идея глобального эволюционизма, теория аутопоэзиса в биологии и когнитивной науке, идея энактивизма в когнитивных исследованиях и др.» [10, с. 19]. Таким образом, для современной науки, опирающейся в основном на западную модель рациональности, не чуждо процессуальное понимание мира. Более того, можно говорить о возможности существования особых процессуальных онтологии, гносеологии и методологии, что позволяет рассматривать идеи А.В. Смирнова с привлечением широкого круга современных исследовательских подходов.

Ограничения с точки зрения языка описания процессуальных явлений также не являются непреодолимыми. Это подтверждает и сам А.В. Смирнов, полагающий, что каждый человек (в рамках рассматриваемых культурных ареалов) наделен способностью осмысливать мир обоими способами, однако не в одинаковой степени. Можно говорить об относительной культурной независимости этой формы дуальности¹ человеческого мышления, так как каждая из логик может быть по-своему укоренена в разных культурах. А.В. Смирнов опирается на сравнительный метод анализа структур языка для объяснения отличительных особенностей процессуальной логики. Он указывает на то, что в европейских языках также есть сходные с арабским языком структуры, такие как герундий, глаголы, которые позволяют осуществлять процессуаль-

¹ А.В. Смирнов предполагает, что дуализм может (и должен!) быть снят обобщенной картиной мира второго порядка, однако он полагает, что эта задача пока не решена.

ное описание¹. Используя это сравнение, А.В. Смирнов показывает сходство масдара с этими лингвистическими структурами, а также его особенность как достаточно уникальной части речи в арабском языке. Как можно видеть, автор предлагает нам, читателям, принадлежащим к европейской культуре, для понимания сущностных сторон чуждой культуры использовать некоторые элементы, уже содержащиеся в нашей собственной культуре. То есть, пытаясь осмыслить иное, мы должны обратиться к средствам, уже существующим в рамках нашей родной культуры.

Логико-философская картина мира как глубинная структура определяет характер образуемого речевого высказывания. Средства языка становятся лишь инструментами, при помощи которых может быть выражен смысл высказывания. На примере анализа высказываний в арабском языке А.В.Смирнов выделяет два ключевых механизма, при помощи которых может быть осуществлена трансформация речи. Это механизмы вытеснения и замещения, когда для выражения процессуальности используются преимущественно отглагольная лексика, которая вытесняет и замещает другие виды лексики [6].

Эти размышления показывают направление, в котором может осуществляться понимание процессуальной логики в рамках европейской картины мира. Способом понимания является вовсе не смысловой скачок, иррациональный инсайт, когда мы внезапно, вдруг открываем для себя особенности чужой культуры, а планомерное сближение с ней путем усиления собственной процессуальной интуиции. Понимание достигается, во-первых, путем трансформации нашего собственного, привычного и преимущественно субстанциального мировосприятия в непривычное, процессуальное (в рамках процессуальной метафизики). Во-вторых, через своего рода дискурсивную речевую практику – путем вытеснения и замещения «субстанциальных» способов описания и включения и усиления «процессуальных». Трансформация, таким образом, должна осуществляться как на «глубинном» уровне

¹ Например, русский язык, склонный к субстанциальной логике, вполне допускает описание процесса без указания на действующего и при довольно неявном присутствии претерпевающего в таких высказываниях как «что-то происходит», «смеркалось» и др. В русском языке имеются термины, описывающие процессуальность, каждый из которых потенциально может выражать особый способ концептуализации, – изменение, трансформация, паттерн, сценарий, взаимодействие, алгоритм, ритуал и др.

осмысления мира, так и на «поверхностном» – через особый «процессуальный» язык описания. В общем виде трансформация достигается путем усиления внимания к иным, второстепенным, периферийным для нашей собственной культуры аспектам. Размышляя над процессуальными феноменами при помощи соответствующих языковых описаний, мы как бы усиливаем собственную процессуальную интуицию, которая представлена в нашем языке и мышлении, но до времени является второстепенной, в определенной степени маргинальной. Мы должны исходить из наличия своеобразных «слепых пятен» внутри нашей собственной культуры, которые до поры оставались скрытыми и неявными, малоосознанными. Следует приложить усилия, чтобы эти «потерянные» части опыта стали различаемыми, а в дальнейшем – центральными. Необходимо представить, как изменилось бы наше восприятие мира, если бы процессуальные аспекты в нем стали преобладающими.

Само знание о «субстанциальном» и «процессуальном», следовательно, является не абсолютным, а культурно и коммуникативно зависимым. Это знание, которое рождается внутри европейской (западной) картины мира при ее взаимодействии с арабо-мусульманской. Именно в результате взаимодействия порождается знание о процессуальном и субстанциальном, которое позволяет и самой европейской культуре заново переопределить себя как особую целостность, основанную на субстанциальной логике в противоположность логике иной культуры. Это знание создает возможности различения тех или иных аспектов собственной культуры как процессуальных или как субстанциальных, становится категорией взаимного сравнения, выделения ключевых свойств, связанных со смыслообразованием и определяющих сущностные черты каждой из культур в контексте их взаимодействия.

В поисках «процессуального» языка: смысловой инвариант как фрактал

По-видимому, категория процессуального в действительности шире, чем то понимание процесса как действия, которое имеет место в арабо-мусульманской картине мира. Как отмечает В.А. Лекторский, «...существует множество различных типов процессов, и многие из них не являются дейст-

виями. К таковым, например, не относятся плавно происходящие процессы, вроде тех же водных потоков (там нет ни субъекта действия, ни претерпевающего), события (удар грома, молния, падение валютного курса, внезапно появившаяся мысль и т.д.), развивающиеся процессы, в которых можно выделить отдельные стадии (война, революция, спектакль и др.)» [10, с. 20]. Описание процессуального только через трехчастную структуру осуществления действия (масдар) в такой перспективе может оказаться лишь частным случаем рационализации процессуального.

Ключевая особенность механизма смыслообразования, который описан А.В. Смирновым, состоит в наличии смыслового инварианта, обеспечивающего смысловое единство мира в сознании конкретного человека: «...столкнувшись с существенными различиями в устройстве законов, управляющих поведением мира, мы поспешим интерпретировать такие различия не как принципиально несводимые и раскалывающие мир на изначально разным образом устроенные части, а напротив, как варианты некоего инварианта, не противоречащие, невзирая на все различия между ними, глубинному единству мира» [6, с. 293].

Если теоретически экстраполировать эти идеи и попытаться рассмотреть их с точки зрения функционирования индивидуального сознания мусульманина, то можно предполагать существование двух параллельных планов интерпретации. Первый план – восприятие мира как текучего, меняющегося, процессуального. Здесь важно подчеркнуть одну особенность процессуальной природы сущего, а именно наличие устойчивого и повторяющегося инварианта, одной общей структуры. Процессуальность понимается не как хаотическая, случайная изменчивость, как мы порой склонны мыслить в соответствии с привычными бинарными отношениями, противопоставляя случайной изменчивости мира устойчивость некоей «платонической» идеи, формы. Процессуальность в картине арабо-мусульманской культуры здесь – это идея постоянства, но осмысливаемая иначе, через темпоральную воспроизводимость одной и той же инвариантной структуры/паттерна.¹

¹ Характер использования конструкции «масдар» в конкретном высказывании также указывает на его инвариантность. А.В. Смирнов замечает, что описание действия в арабском языке в форме «масдар» может осуществляться без указания на временной контекст, то есть арабский язык способен отразить наличие действия «де факто». Таким образом, носителем арабского языка процесс может

Если говорить с точки зрения процессуальной метафизики, то этот план интерпретации вполне автономен и сам по себе не предполагает религиозной интерпретации. Вместе с тем существует второй план интерпретации, который имеет религиозную природу и связан со сведением мусульманином «поверхностной» структуры данного процессуального описания события к имеющему универсальное значение отношению Бога и Мира. В результате в картине мира мусульманина два инварианта сходятся в единой лингвистико-смысловой конфигурации. С одной стороны, мир предстает мусульманину как совокупность действий, каждое из которых может быть описано как трехчастная структура – действователь, действие, претерпевающее. С другой стороны, любое действие, которое мы можем наблюдать в окружающем нас мире, в исламской картине мира является всего лишь отражением фундаментального отношения Бога и Мира.

Что можно сказать о базовом механизме смыслообразования в понимании А.В. Смирнова? Мусульманин должен осуществлять своеобразную смысловую унификацию (упрощение), состоящую в интерпретации любых событий в соответствии с заранее заданным шаблоном («по воле Аллаха!»). Вместе с тем данная редукция означает не упразднение предыдущей интерпретации, а скорее ее трансформацию в соответствии с более общим метасмыслом. Смысл частного действия переструктурируется и таким образом включается в более широкое поле религиозного осмысления мира.

Анализ высказывания позволяет подойти к описанию общей структуры смыслового инварианта:

- 1) «поверхностное» высказывание в конкретном контексте коммуникации, уровень, с которого начинается анализ;
- 2) «глубинная» структура процессуального лингвистического описания, которая может опираться в арабском языке на лингвистическую структуру «масдар»;
- 3) «глубинная» структура смысловой религиозной интерпретации, выражающаяся в сведении к универсальному отношению Бога и Мира.

осмысляться в форме идеи, существующей как бы независимо от контекста. И только «погружение» речевого высказывания в конкретный контекст обеспечивает его привязку к конкретному действователю, претерпевающему, а также времени и месту. Смысловой процессуальный инвариант существует относительно независимо как «глубинная» основа арабо-мусульманской картины мира.

Идея повторяющегося смыслового инварианта как механизма смыслообразования в современной науке не нова. Мы можем найти сходные идеи у социально-гуманитарных исследователей, использующих математическую и визуальную интуицию фрактала. Изначально термин «фрактал» был введен математиком Бенуа Мандельбротом [4] и образован, как объясняет сам ученый, от латинского причастия «fractus». Глагол *frangere* переводится как ломать, разламывать, т. е. создавать фрагменты неправильной формы, что может означать «фрагментированный», «неправильный по форме» [4, с. 6]. Понятие фрактала первоначально широко использовалось для описания природных и математических объектов, обладающих сложной и, казалось бы, хаотической структурой. Природными фракталами являются, например, береговые линии, горы, деревья, снежинки, кровеносная система человека и др. В самом общем виде фрактал часто определяется как структура, состоящая из частей, которые в некотором смысле подобны целому. Данная структура обладает масштабной инвариантностью, то есть повторяемостью на разных уровнях анализируемой системы. Таким образом, вся система может быть логически редуцирована до одного, общего для всей системы первоэлемента – фрактала.

Фрактал имеет совершенно необычную для нашего восприятия природу. В математических категориях его описывают как обладающего дробной размерностью. То есть для нас, живущих в трехмерном пространстве, фрактал описать довольно сложно, так как он не может быть описан в привычных нам целых размерностях: как трехмерный объект, как фигура или точка. Фрактал находится между привычными размерностями: например, к нему невозможно провести касательную линию, так как его структура бесконечно дробится. Лучше всего фрактал описывается не через категорию «что?», то есть не как цельный объект, или как некоторая сущность, а через категорию «как?». Как отмечает российский математик и философ А.В. Волошинов, фрактал «не есть конечная форма (фрактал никто никогда не видел, так же как число π), а есть закон построения этой формы», «ген формообразования» [11, с. 73]. Математики сумели уловить свойства фрактала через устойчивый способ преобразования – алгоритм, который сам по себе может быть очень прост, но способен создавать невероятно сложные разветвленные структуры. Фрактал в своем

чистом математическом виде – это незаконченная и бесконечная структура, обладающая итеративностью, но повторяющая один и тот же паттерн.

С 1990-х годов термин «фрактал» стал соотноситься не только с природными или также архитектурными объектами, но и с социокультурными самоорганизующимися системами. Как гуманитарный аналог математического фрактала Е.В. Николаева предлагает использовать понятие концептуального фрактала для описания повторяющихся культурных паттернов. Она отождествляет данное понятие с понятием «концептуальной схемы» П. Даутона: здесь подобие выражается на уровне идей и концептов как воспроизводство одной и той же идеи, общей для некоторой социокультурной, философской и т.п. системы и ее составляющих: символов, социальных и культурных элементов и пр. По мнению Е.В. Николаевой, «...фрактал оказался наглядной и операбельной визуализацией идеи бесконечного становления, незавершенности, процессуальности и имманентно «запрограммированной» динамики всех социокультурных феноменов» [5, с. 228]. В.В. Тарасенко, создатель концепции фрактальной семиотики, предлагает характеризовать фрактал как особый процессуальный язык: «С одной стороны, фрактал – это геометрическая фигура типа линии, окружности или треугольника. С другой стороны, у фрактала нет четкого визуального образа – такого же цельного и ясного, как формы евклидовой геометрии. Из этой безобразности и вырастет проблемное поле фрактальной семиотики: фрактал это не образ. Образы – скорее линейные объекты, запечатленные нашим сознанием не как процессы, а как неизменные сущности, приковывающие внимание и накладывающие иллюзии понимания на наши «слепые пятна»» [12, с. 30]. Популярность идеи фрактала в настоящее время такова, что Е.В. Николаева предлагает говорить об очередной научной революции в гуманитарном дискурсе и возможном переходе к фрактальной парадигме и фрактальной картине мира [5].

Идея фрактала оказалась эвристичной для достаточно разных, но во многом близких современных научных подходов: интеракционизма и гештальт-подхода в социальной психологии (Д. Ньютсон и др. [13]), фрактальной семиотики (В.В. Тарасенко[12]), социального конструкционизма и постмодернизма (А. Санду, С. Пони[14]), теории социоматериальности (Т.

Хендерсон, Д. Бойе [15]), теории нелинейных динамических систем в социальной психологии (Р. Валлахер, А. Новак [16]), этнографии (М. Агар [17]), возрастной психологии (Т. Маркс-Тарлоу [18]). Нередко при использовании идеи фрактала исследователи опираются на современные «процессуальные» представления о реальности, которые получили популярность в естественных науках в последние десятилетия, например, на такие, как теория нелинейных динамических систем, теория автопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела), теория неравновесных систем (И.Р. Пригожин), теория хаоса и др. Хотя пока имеется ограниченное число примеров подобных исследований, использование идеи фрактала для изучения индивидуального сознания верующего открывает широкие перспективы для религиозных исследований в рамках социальных наук [19]. В нашем случае идея фрактала может быть перспективной методологией для осуществления переноса идей А.В. Смирнова о процессуальной логике арабо-мусульманской культуры в поле прикладных социально-психологических исследований религиозного сознания.

Практика переноса идей и исследовательских подходов из области естественных наук (физиологии, биологии, физики, математики и т.д.) в область психологии имеет давнюю традицию. Как отмечает А. Хатала [20], на протяжении всей истории на психологов, так или иначе, оказывали влияние естественные науки в отношении их видения реальности и свойств человеческого разума. По мнению А. Гурвиша, при исследовании восприятия психолог принимает за данность то описание вселенной, как это понимается в настоящее время в физической науке [21]. Изменения в физических представлениях о реальности оказывают влияние на психологическую теорию. За последние столетия крупные открытия в теории относительности Эйнштейна и в теории квантовой механики Гейзенберга привели к значительным изменениям в традиционном «декартово-ньютонском» взгляде на реальность. Тем не менее, как полагает А. Хатала [20], психология в целом и психология религии в частности явно отстают в ассимиляции этих альтернативных или «целостных» перспектив физической реальности.

В психологии XX века впечатляющий пример переноса понятий из физики (топологии, векторной теории и др.) в психологию был реализован в

теории поля К. Левиним [22], который опирался на интуиции, связанные с взаимодействием человека с окружающим его пространством. К. Левин предлагал при исследовании социального поведения делать акцент на анализе динамических характеристик, таких как групповые процессы, характер и тип взаимодействий. Описание динамических составляющих, по мнению К.Левина, требует от социальных наук перехода от фенотипических понятий, основанных на родо-видовой классификации, к динамическим конструктам, описывающим «динамические» качества, определяемые как «типы реакций» или «типы влияния». Вместе с тем К.Левин был не вполне удовлетворен теми средствами, которые предоставляла современная ему физика и математика, и выделял как одну из важнейших концептуальных проблем для социальных наук – продолжение поиска геометрии, позволяющей адекватно представить социальное поведение. Идеи «Фрактальной геометрии природы» Б. Мандельброта, акцентировавшего внимание именно на процессуальных и динамических аспектах физической реальности, могут оказаться той самой «более» адекватной методологией исследования процессуальных явлений в социальных науках [23].

Несмотря на открывающиеся обширные перспективы в использовании идеи фрактала в социально-гуманитарных науках, пока трудно говорить о сформировавшемся научном направлении. Скорее имеет место ряд развивающихся социогуманитарных исследований, использующих те или иные идеи, позаимствованные из математической модели фрактала. Это новый взгляд на процессуальные аспекты социогуманитарных явлений с использованием различных форм теоретизирования и с опорой на разнообразные научные подходы. В настоящее время возникла определенная общность методологии, которую можно назвать «фрактальной теорией». Данный термин не обозначает завершенную и устоявшуюся исследовательскую методологию, а скорее это обобщенное наименование возникающего перспективного научного направления в социально-гуманитарных науках. Количество значимых и показательных исследований пока сильно ограничено. В данный момент использование фрактальной теории является «Terra Nova», и значительное число

методологических вопросов требуют своего развития и более глубокого теоретического обоснования.

Заключение

Дальнейшее развитие идей сравнительного изучения культур А.В. Смирнова позволяет вплотную подойти к решению проблемы целостного описания арабо-мусульманской культуры как смыслового единства, несмотря на историческое и региональное многообразие ее проявлений. А.В. Смирнов демонстрирует особенности процессуальной логики на примере анализа самых разных феноменов арабо-мусульманской культуры. В данной статье намечен общий подход к применению фрактальной теории в отношении механизма смыслообразования, который может быть применен как для анализа объектов мусульманской культуры, так и для анализа особенностей религиозного сознания. Идеи инвариатности (самоподобия) и повторяемости (итеративности), ключевые для фрактальной теории, не остались без внимания среди многих исследователей мусульманской культуры. Например, известный современный мусульманский богослов Р. Батыр [24] отмечает, что мусульманская культура построена по голографическому принципу, что проявляется в архитектуре мечетей, структуре мусульманского богословия и т.д. Фрактальный метод применяет Х. Исмаил [25] при анализе шедевров исламской архитектуры, фрактальные черты исламского орнамента установили П. Лью и П. Стейнхарт [26]. Вместе с тем анализ арабо-мусульманской картины мира требует рассмотрения также и другой ее стороны – индивидуального сознания носителя, верующего человека. Для изучения механизма смыслообразования представителей мусульманского сообщества необходимо привлечение методов исследования таких наук, как психология, социология, антропология. Фрактальная теория – это потенциально богатый методологический инструмент описания и исследования процессуальных феноменов, требующий дальнейшей разработки собственных понятий и исследовательских подходов.

Литература

1. Смирнов А.В. Логика смысла. *Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры*. М.: Языки славянской культуры; 2001. 504 с.
2. Смирнов А.В. *О подходе к сравнительному изучению культур*. СПб.: Изд-во СПбГУП; 2009. 132 с.
3. Ибрахим Т. К критике процессуалистской интерпретации ислама [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=2976&Itemid=48 [Дата обращения: 05.12.2019]
4. Мандельброт Б. *Фрактальная геометрия природы*. М.: Институт компьютерных исследований; 2002. 656 с.
5. Николаева Е.В. К типологии фракталов в теории культуры. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013;1(113):226–232.
6. Смирнов А.В. Типология культур и картина мира. В: *Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские чтения, 14-15 мая 2009 г.* СПб.: Изд-во СПбГУП; 2009. С. 292–299.
7. Смирнов А.В. Логика субстанции и логика процесса: тавхид и проблема божественных атрибутов В: Смирнов А.В. (отв. ред.) «Рассыпанное» и «собранное»: стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. М.: ООО «Садра», Языки славянской культуры; 2015. С. 15–52.
8. Смирнов А.В. *Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство*. М.: ИФ РАН; 2005. 253 с.
9. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих. *Мир русского слова*. 2011;4:13 – 19.
10. Лекторский В.А. Комментарий к статье А.В. Смирнова «Процессуальная логика и ее обоснование», *Вопросы философии*. 2019;2:18–21.
11. Волошинов А.В. *Математика и искусство: Книга для тех, кто не только любит математику или искусство, но и желает задуматься о приро-*

де прекрасного и красоте науки. 2-е издание, доработанное и дополненное. М.: Просвещение; 2000. 399 с.

12. Тарасенко В. В. *Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2009. 232 с.

13. Newton D., Hairfield J., Bloomingdale J., Cutino S. *The Structure of Action and Interaction*. Social Cognition. 1987;5(5):191 – 237.

14. Sandu A., Ponea S., *Social Constructionism As a Semiotical Paradigm. An analitical Approach of Social Creativity. Inventica. The XIV-nd International Conference of Inventics*, (9-11 June, 2010). 2010. Pp. 223–234.

15. Henderson T., Boje D. *Organizational development and change theory: managing fractal organizing processes*. New York: Taylor & Francis; 2015. 208 p.

16. Vallacher R., Nowak A. *The emergence of dynamical social psychology*. Psychological Inquiry. 1997;8:73-99.

17. Agar M. *We Have Met the Other and We're All Nonlinear: Ethnography as a Nonlinear Dynamic System*. Complexity. 2004;10:16–24.

18. Marks-Tarlow T. *The Fractal Self at Play*. American Journal of Play. Summer, 2010: 31– 62.

19. Николаева Е.В. *Фрактальные смыслы теистических онтологий и сакральных артефактов. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. В 2-х ч. Ч. I. 2014;3 (41):114–117.

20. Hatala A. Explanation and understanding in the psychology of religion: paradigms, methodologies, and the future of a burgeoning field. *International Journal of Psychology Research*. 2015;9(4):287-315.

21. Gurwitsch, A. *Studies in phenomenology and psychology*. Evanston: Northwestern University Press; 1966. 452 p.

22. Левин К. *Динамическая психология: избранные труды*. М.: Смысл; 2001. 572 с.

23. Богатых Б.А. *Фрактально-голографический конструкт и теория поля К. Левина*. Национальный психологический журнал. 2018;2(30):123–134. doi: 10.11621/npj.2018.0213

24. Батыр Р. *В каждой своей детали «Кул-Шариф» преисполнен глубочайшего смысла* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kazan.bezformata>.

com/listnews/kul-sharif-preispolnen-glubochajshego/27971644/ [Дата обращения 22.10.2019]

25. Исмаил Х.Д.А., Шишин М.Ю. *Применение многоступенчатого фрактального метода в анализе шедевра исламской архитектуры – мечети Ахмад Шаха*. Искусство Евразии. 2018;3(10):37–47. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.03.003.

26. Lu P., Steinhart P. *Decagonal and Quasi-Crystalline Tilings in Medieval Islamic Architecture*. Science. 2007;315:1106–1110. DOI: 10.1126/science.

References

1. Smirnov A.V. *Logika smysla. Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kul'tury*. [Logic of meaning. Theory and its application to the analysis of classical Arabic philosophy and culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2001. 504 p. (In Russian)

2. Smirnov A.V. *O podkhode k sravnitel'nomu izucheniyu kul'tur* [On the approach to the comparative study of cultures] St. Petersburg: St. Petersburg University press, 2009. 132 p. (In Russian)

3. Ibrakhim T. *K kritike protsessualistskoy interpretatsii islama* [On critique processualists interpretation of Islam]. Electronic source. Available at: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=2976&Itemid=48 (Accessed: 02.01.20). (In Russian)

4. Mandelbrot B. *Fraktal'naya geometriya prirody* [Fractal geometry of nature]. Moscow: Institut kompyuternykh issledovaniy press, 2002. 656 p. (In Russian)

5. Nikolaeva E.V. *K tipologii fraktalov v teorii kultury* [On the typology of fractals in the theory of culture]. Bulletin of the Adygeya State University. Part 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies, 2013: 1(113). P. 226–232. (In Russian)

6. Smirnov A.V. *Tipologiya kultur i kartina mira* [Typology of cultures and world view]. Published in Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: IX Mezhdunarodnye Likhachevskie chteniya [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: IX International Likhachev Readings], 14–15 May 2009. St. Petersburg: St. Petersburg University press, 2009. P. 292–299. (In Russian)

7. Smirnov A.V. *Logika substantzii i logika protsessa: tavkhid i problema bozhestvennykh atributov* [The logic of substance and the logic of process: Tawhid and the problem of divine attributes]. Published in «Rassypannoe» i «sobrannoe»: strategii organizatsii smyslovogo prostranstva v arabo-musul'manskoy kulture [“Scattered” and “collected”: strategies for organizing semantic space in Arab-Muslim culture] under the editorship of Smirnov A.V. Moscow: OOO «Sadra», Yazyki slavyanskoy kultury publ., 2015. P. 15–52. (In Russian)

8. Smirnov A.V. *Logiko-smyslovye osnovaniya arabo-musul'manskoy kultury: semiotika i izobrazitel'noe iskusstvo* [Logical and semantic bases of Arab-Muslim culture: semiotics and fine art]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 2005. 253 p. (In Russian)

9. Lyubimova N.A., Buzal'skaya E.V. «Kartina mira»: soderzhanie, terminologicheskii status i obshchaya ierarkhiya ee sostavlyayushchikh [«Picture of the world»: content, terminological status and General hierarchy of its components]. Mir russkogo slova publ., 2011: (4). P. 13–19. (In Russian)

10. Lektorskiy V.A. *Kommentariy k stat'e A.V. Smirnova «Protsessual'naya logika i ee obosnovanie»* [Comment to the article by A.V. Smirnov “Procedural logic and its justification”], Voprosy filosofii publ., 2019: (2). P. 18–21. (In Russian)

11. Voloshinov A.V. *Matematika i iskusstvo: Kniga dlya tekhn, kto ne tol'ko lyubit matematiku ili iskusstvo, no i zhelaet zadumat'sya o prirode prekrasnogo i krasote nauki. 2-e izdanie, dorabotannoe i dopolnennoe* [Mathematics and art: a Book for those who not only love mathematics or art, but also want to think about the nature of the beauty and the beauty of science. 2nd edition, revised and expanded]. Moscow: Prosveshchenie press, 2000. 399 p. (In Russian)

12. Tarasenko V. V. *Fraktalnaya semiotika: «slepye pyatna», peripetii i uznaniya* [Fractal semiotics: “blind spots” in the twists and turns of recognition]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM» press, 2009. 232 p. (In Russian)

13. Newton D., Hairfield J., Bloomingdale J., Cutino S. *The Structure of Action and Interaction*. Social Cognition, 1987: 5(5). P. 191–237.

14. Sandu A., Ponea S., *Social Constructionism As a Semiotical Paradigm. An analytical Approach of Social Creativity*. Inventica. The XIV-nd International Conference of Inventics, (9-11 June, 2010), 2010. P. 223–234.

15. Henderson T., Boje D. *Organizational development and change theory: managing fractal organizing processes*. New York: Taylor & Francis, 2015. 208 p.
16. Vallacher R., Nowak A. *The emergence of dynamical social psychology*. *Psychological Inquiry*, 1997: (8). P. 73–99.
17. Agar M. *We Have Met the Other and We're All Nonlinear: Ethnography as a Nonlinear Dynamic System*. *Complexity*, 2004: (10). P. 16–24.
18. Marks-Tarlow T. *The Fractal Self at Play*. *American Journal of Play*, Summer, 2010. P. 31–62.
19. Nikolaeva E.V. *Fraktalnye smysly teisticheskikh ontologiy i sakralnykh artefaktov* [Fractal meanings of theistic ontologies and sacred artifacts]. Published in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik* [Historical, philosophical, political and Legal Sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. In 2 volumes. Vol. 2, part 1, 2014: 3(41). P. 114–117. (In Russian)
20. Hatala A. *Explanation and understanding in the psychology of religion: paradigms, methodologies, and the future of a burgeoning field*. *International Journal of Psychology Research*, 2015: 9(4). P. 287–315.
21. Gurwitsch, A. *Studies in phenomenology and psychology*. Evanston: Northwestern University Press, 1966. 452 p.
22. Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya: izbrannye trudy* [Dynamic psychology: selected works]. Moscow: Smysl press, 2001. 572 p. (In Russian)
23. Bogatykh B.A. *Fraktalno-golograficheskiy konstrukt i teoriya polya K. Levina* [Fractal-holographic construct and field theory by K. Levin]. Published in *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Journal of Psychology], 2018: 2(30). P. 123–134. doi: 10.11621/npj.2018.0213 (In Russian)
24. Batyr R. *V kazhdoy svoey detali «Kul-Sharif» preispolnen glubochayshego smysla* [In every detail “Kul-Sharif” is filled with the deepest meaning]. Electronic source. Available at: <http://kazan.bezformata.com/listnews/kul-sharif-preispolnen-glubochayshego/27971644/> (Accessed: 22.10.19). (In Russian)
25. Ismail Kh.D.A., Shishin M.Yu. *Primenenie mnogostupenchatogo fraktal'nogo metoda v analize shedevra islamskoy arkhitektury – mecheti Akhmad Shakha* [Application of multi-stage fractal method in the analysis of the masterpiece of Islamic architecture-Ahmad Shah mosque]. Published in *Iskusstvo Evrazii* [Art Of

Eurasia], 2018: 3(10). P. 37–47. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.03.003. (In Russian)

26. Lu P., Steinhardt P. Decagonal and Quasi-Crystalline Tilings in Medieval Islamic Architecture. Science. 2007: (315). P. 1106–1110. DOI: 10.1126/science.

Информация об авторе

Насибуллов Камиль Исхакович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет, член правления Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Казань, Российская Федерация.

Information about the author

Kamil I. Nasibullov, Ph.D (Psychol.), A senior researcher at Department of the Development of Islamic and Islamic Studies Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University, member of the Board of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Kazan, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 октября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 12 ноября 2019 г.
Принята к публикации: 26 ноября 2019 г.

Article info

Received: October 25, 2019
Reviewed: November 12, 2019
Accepted: November 26, 2019